

Владимир СКВОРЦОВ:

«Мои роли будут моими, а чужих мне не надо»

— Володя, насколько я знаю, роль Обломова не давала вам спокойно жить очень давно.

— Когда я только начинал учиться в школе-студии МХАТ, на первом курсе мы с моим другом делали самостоятельный отрывок из «Обломова». Тогда я был совсем худым, молодым максималистом и меня, естественно, не могли не заинтересовать и роман, и этот герой, один из самых пронзительных и точных образов в русской литературе. Короче, произведение осталось со мной и долгое время «варилось» внутри меня. Прошло больше десяти лет. И тут я узнаю, что мой любимый драматург Михаил Угаров написал пьесу по «Обломову» — «Смерть Ильи Ильича». Наверное, так бывает очень редко, но я почувствовал, что этот текст настолько мне близок и ложится на мою собственную идеологию, что не сыграть его было бы просто предательством по отношению прежде всего к себе. У меня была абсолютная уверенность в том, что эта история обязательно должна получиться. Водушевский, я тут же попытка были напрасными: почему-то никто не верил в успех данного предприятия. И вот два года назад сидим мы в городе Сургуте во время фестиваля «Чайка» с Еленой Гремминой (супругой Михаила Угарова), а ей жалуюсь, что не могу найти союзника — режиссера, а она возьми и предложи: «А пускаяй Миша это сам и сделает». Мы тут же позвонили Угарову в Москву, и Михаил, прямо скажем, авантюрист и рискованный человек, сразу же согласился... И уже через несколько дней мы начали встречаться и работать с текстом...

— Обломов все привычки представлять толстым, томным и ленивым. Ваш внешний вид и характер никак не вяжутся с этим стереотипом. Не ощущали ли диссонанс?

— Откуда у нас такое представление, что Обломов непременно должен быть человеком «в расцвете», к тому же — толстым? У Гончарова в романе нет такого описания героя. Более того, он — человек молодой и привлекательный. В книге написано, что он красиво «возлежал на диване», но нигде вы не найдете слов, подтверждающих правильность этих дурацких стереотипов, навязанных нам авторами школьных учебников и бездарными учительницами литературы. Вообще, Гончаров написал трагедию. Ведь ситуация трагична! Посмотрите — молодой, здоровый парень валяется дома на диване и не видит смысла в том, чтобы подняться и что-то сделать. Он также не видит смысла и в жизни, — просто не хочет жить так, как живут все люди. По форме — Емеля из сказки, но по сути... Обломов — философ, у него есть свои принципы, и он не станет ими жертвовать даже ради того, чтобы остаться в живых. Человек сильный, со своей философией. Он и трагический, и ранимый, и сильный. Кроме того, у него большое доброе сердце. Настоящий национальный русский герой.

— Как вам работало, репетировать?

— У нас был очень долгий застойный период. Мы разбирали каждое слово, каждую мысль, каждый внутренний монолог. Потом «встали на ноги». Репетировали весело, дурачились, много шутили, смеялись, устраивали несколько тест-просмотров первого акта (он, кстати, длился сначала два с половиной часа). Мы много предлагали режиссеру, исходя из замечательного разбора, а Миша вычищал все и снимал «ненужную шелуху». Работали в общей сложности год и один месяц, но с большими перерывами, благодаря которым материал в нас оседал, жил уже какой-то своей отдельной жизнью. Мы думали о своих героях и берегли их. Да, кстати, после премьеры я даже посетил психбольницу (не в качестве больного, конечно), и там узнал, что, оказывается, иногда пластика моего Обломова напоминает пластические проявления людей, больных шизофренией. Я имею в виду лишь некоторые проявления, например, в сцене с доктором. Если помните все эти позы на диване — человек сидит, поджав под се-

Герой этой публикации, несмотря на молодость, востребованность и успех, стоит поодаль от когорты модных маргиналов-ниспровергателей «старого театрального мира». В его внешнем облике и характере нет привычных звездных примет: широкой голливудской улыбки, показушного обаяния и самоуверенности баловня сцены. Он сдержан, интеллигентен, очень деликатен по отношению к собеседнику и, как показалось интервьюеру, немного смущен столь пристальным вниманием к собственной персоне. Думаю, что своего тонкого, умного и циничного романтика — Илью Ильича Обломова из спектакля Михаила Угарова «Облом off» — Владимир Скворцов в определенном смысле списывает с самого себя. В этом, наверное, залог успеха спектакля и у зрителей, и у критики. В нынешнем году за роль Обломова Скворцов выдвигнут на премию «Золотая Маска» в номинации «лучшая мужская роль». Сказавшее не означает, что Владимир Скворцов — актер одной роли. Достаточно увидеть его в трех спектаклях Владимира Мирзоева в театре Станиславского, «Моей жене леди» в «Et cetera», «Ощущение бороды» Ксении Драгунской в постановке Ольги Субботиной в Центре драматургии и режиссуры, чтобы понять, от этого загадочного актера можно ждать всяких неожиданностей.

бя ноги и погружен в себя. Так вот, оказывается, это первый признак шизофреника. (Смех). Естественно, он не болен. Просто его поведение обуславливается его позицией, его принципиальным решением остаться навсегда в том времени, когда у него не было никаких печалей. Когда жизнь была беззаботной и полной игр. Когда сама актуальной темой была, да и остается: почему маменька пела Casta Diva? Кстати, ответ он получает перед смертью. Его сознательное решение не расставаться с детством помогает ему жить в своем этом маленьком мире, в своем домике. Но и убивает его. Он ищет чистоты и прямоты в общении с близкими людьми, но не находит их. Да можно часами раскрывать секреты «большой русской души», хотя, почему — русской? К примеру, недавно наш спектакль видели наши друзья из Тбилиси — они заявили, что Обломов как тип абсолютной им близок...

— Да простят меня ваши друзья-режиссеры, но мне показалось, что свои роли вы во многом выстраиваете сами.

— Думаю, что в большинстве своем все мы — люди знающие, что хотим получить от жизни и от профессии. Естественно, я, репетируя ту или иную роль, всегда определяю, — что я ею хочу сказать и для чего она мне вообще нужна. Тем не менее, главное для меня — не повторяться.

Сейчас я хочу отойти от своих острохарактерных актерских штампов, потому что, знаете, у актеров бывает страшно минуты, когда от переизбытка одинаковых ролей вдруг, где-то на уровне диафрагмы образуется некая энергетическая заслонка, прорвать которую просто невозможно. Эмоции не в состоянии вырваться изнутри, постепенно рождаются профессиональные комплексы, всякого рода депрессии, и так далее. И, скажем, лично для меня проект «Облом off» был направлен прежде всего на то, чтобы этот вот барьер преодолеть, прорвать «оборону организма» и все, что накопилось внутри за мою небольшую пока еще жизнь, выплеснуть наружу.

— Выплеснулось?

— Выплеснулось... Не вправе сказать, что удачно, но, во всяком случае, я доказал многим, и прежде всего себе, что нет ничего невозможного, и все наши желания, если, конечно, они направлены на благо, к счастью исполняются. Естественно, это стоит сил, это стоит седых волос и бессонных ночей. НО ОНО ТОГО СТОИТ. Была передача когда-то, «Сделай шаг». Так вот, этот ШАГ нам просто необходимо делать иногда. И уж если ты решился на него, если ты делаешь его, то обязательно получишь. А кто помогает — Бог ли, твоя ли целеустремленность? — не знаю.

Нельзя идти только за режиссером, гораздо чаще надо прислушиваться к себе (не пугая при этом режиссера), и дай Бог, чтобы наши с ним пути пересеклись, тогда из этого может получиться что-нибудь любопытное. Возвращаясь к тому же «Облом off», нельзя не отметить, что спектакль нам всем дорог еще и потому, что он делался в атмосфере абсолютной творческой свободы и любви. Ну, а как могло быть иначе? Мы же вместе почти с окончания института, уже несколько лет, и друг без друга жить просто не можем. Вы посмотрите — это же лучшие силы Москвы: Анатолий Белый, Ольга Лапшина, Артем Смола, Анна Невская, Мария Кивва, Владимир Панков и его группа «Пан-квартет»! Я очень рад, что все мы друзья, и я счастлив, что работали мы фактически «на искусство». Нам даже официальный сайт в интернете открыли наши друзья, там уже жизнь своя налажена. Какие-то наши фанаты и просто доброжелатели общаются между собой, с нами... Здорово! Очень интересная жизнь там кипит, правда!

— Вы считаете себя актером какого определенного направления, школы?

— Я закончил Школу-студию МХАТ, курс Мастера Аллы Борисовны Покровской. Но вот актером МХАТовской школы я себя не считаю (хотя, как я понимаю, в «Облом off» произошло мое личное возвращение к истокам). Почти все МХАТовцы, кто когда-либо видел раньше мои работы, шипели «боже, какой МХАТ, это Шука чистой воды, Шука», прости же за каламбур. Да все это ерунда. Любой актер должен быть универсальным. У каждого режиссера ведь

своя методика работы с актерами. Скажем, я играю Хиггинса в «Et cetera» в мюзикле «Моя прекрасная леди», исполняя пять огромных номеров на английском, а при этом еще и танцую. Такому меня во МХАТе не учили — кажется, этому учат в РАТИ на факультете музыкального театра. Думаю, принимаю нас в институт, наши мастера вручили нам кредит доверия: они оберегали нас, любили, но никогда не пытались навязать что-то свое, они готовили нас для большого театра. У Покровской мы все были личностями, это она культивировала в нас — и часто говорила о том, что ничему нас не учит, а хочет, чтобы ты немногое, что в нас к тому времени уже было, не только осталось, но и набрало силу. Алла Борисовна всегда говорила нам, что научить быть актером нельзя, этому мы должны научиться сами, а ее задача, — сделать из нас культурных, интеллигентных и образованных людей. Поэтому всегда ученики Покровской — пример для многих. Профессия постигается с жизненным опытом, и чем сильнее нас кидают о камни, тем больше в нас прибавляется. Жизнь — лучшая школа, для актера — в особенности! Есть такой термин «актерская копилка», бред, конечно, полный. Но поверьте, к этому стоит относиться серьезно. Чем больше и правильнее будут использованы эти жизненные «файлы», тем полезнее для профессии. Думаю, все Великие Актеры так и работали, не случайно о них столько легенд до сих пор ходят.

— Ваши актерские и жизненные метания (в хорошем смысле) от одного режиссера к другому — от стремления познать себя?

— Да. Режиссеров-то, к сожалению, я не выбираю, они выбирают меня. Но надеюсь, что когда-нибудь настанет такой момент, когда я сам буду приглашать режиссеров ставить спектакли (думаю, это из области «несбыточных мечт»). Естественно, режиссеры, с кем мне выпало счастье работать: Мирзоев, Стурова, Мокеев, Козак, Морфов, Беррман, Серов, Субботина, Угаров работали каждый по-своему, у каждого своя «режиссерская кухня». И все они, безусловно, особенные и любимые. И почти каждый из них (да нет, абсолютно все) открыл мне что-то новое. И во мне открыл. Володя Мирзоев, к примеру, «вывел меня в люди».

— Обратил внимание на то, что вы не мелькаете в антрепризах низкого пошиба.

— Изначально «халтурить» ведь никто не собирается. Это уже потом, в силу ряда причин может получиться то, что называют «халтурой». Так касается лично меня, скажу так: я принципиально стараюсь не играть в антрепризах, снимаюсь в рекламах и заведомо скучных сериалах. Да, было, конечно, такое время, когда сразу после института я снялся в парочке сериалов про тяжкие будни милиционеров, а также засветился в нескольких антрепризных спектаклях и рекламах. Впрочем, это было достаточно давно. Сейчас же, думаю, надо пытаться найти тот единственно правильный путь, который сможет привести тебя к совершенству, пусть это будет очень не скоро. Не следует размениваться на пустяки, ведь многие мои приятели просто погубили себя, приняв участие в сомнительных проектах и поставив тем самым большой крест не только на карьере, но и на профессии.

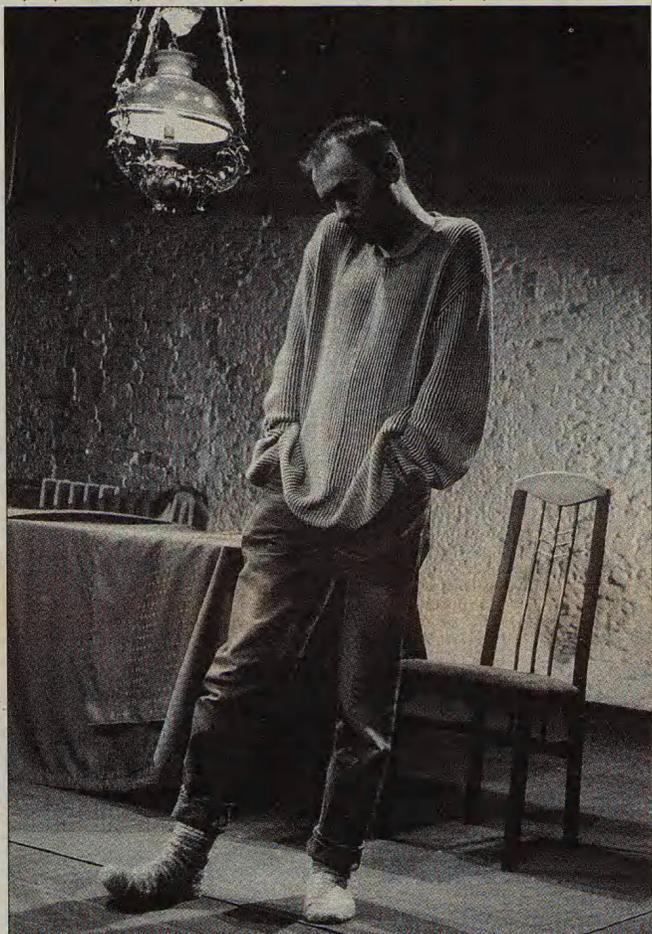
— Можно ли сказать, что этот правильный путь вы для себя определили?

— Да. Я просто убежден, что следует полагаться на интуицию. И если изначально меня что-то не устраивает, я не боюсь сказать «нет». При этом я могу согласиться на малосенный эпизод, как, например, в спектакле Ольги Субботиной «Ощущение бороды», хотя бы только из-за того, что я работаю вместе с горячо любимыми мною людьми — моими друзьями из Центра драматургии и режиссуры. И мне абсолютно не стыдно выходить на сцену почти без слов — я получаю удовольствие от того, что рядом такие замечательные люди. Наша профессия просто какая-то уникальная: мы работаем и получаем от работы кайф! КАЙФ! Я занимаюсь этой профессией только потому, что мне в ней хорошо, не получаю больших денег, я счастлив. Полный идиотизм! Актеры не имеют практически ничего. Однако каждый день торопятся выйти на сцену только

для того, чтобы донести до смотрящих на них людей чьи-то чужие мысли, выдавая их за свои! Абсурд! Но еще больше абсурдом является то, что актеры больше не хотят заниматься ничем другим. Им комфортно — и слава Богу.

— Но удовольствие ведь может привести к разным результатам. Наблюдая очень хороших актеров, которые не чувствуют меры. Мне кажется, что вы умеете наблюдать себя со стороны.

— Вообще, за всем должен следить режиссер. Необходимо расслабиться и поверить ему. А тем более — если режиссер хороший. И даже в тех случаях, когда

роль выстраивается почти самостоятельно, даже тогда режиссерские установки необходимо выполнять. Но это все только на уровне подсознания. Нет, никогда я не следил ни за собой, ни за партнерами. Естественно, существуют технические приспособления — сломать ритм, изменить атмосферу, прибавить энергию и так далее. Но это исключительные служебные функции, они направлены прежде всего на восприятие залом происходящего на сцене. Игру партнеров никогда не отслеживаю — хорошо ли играет, или сегодня не очень.

— Но чувствуете все-таки?

— Нет, как правило, не чувствую, и не хочу этим заниматься. Да и глупо, скажем, призываешь партнеров в любви, а самому думать о том, как она сегодня неудачно произнесла монолог. Сданной профессии абсолютно противоположен рациональный подход к делу. Партнерам надо доверять, и тогда они будут доверять тебе. И это — идеальная ситуация — ведь контакт происходит только при абсолютном доверии друг другу. Рацию же необходимо отключать и лучше полагаться на свои эмоции. Другие клапаны должны работать.

— Близкие вам люди говорят, что в вас напрочь отсутствует даже белая зависть к партнерам. Неужели никогда не бывает досады, когда кто-то играет роль, а она — по всем статьям ваша?

— У меня есть замечательный друг Эв-

клид Кюрдзидис. Как-то, когда я мучался оттого, что «ролей нет, спектаклей новых нет», сказал мне одну замечательную вещь. Володя, — сказал Эвклид, — всех ролей не переиграешь, а твоя роль нигде от тебя не уйдет. Ты обязательно сыграешь то, что ты должен сыграть. Золотые слова. Я их помню всегда, и при случае непременно цитирую. Очень скоро я убедился в том, что Эвклид прав — через пару недель возникла идея спектакля «Облом off», а что из этой идеи получилось вы знаете... Вот она и появилась — моя роль... Знаете, я стараюсь всегда руководствоваться этим принципом: мое обязатель-

ство — играть в массовке и испытывать кайф от этого... и наоборот — исполнять главную роль и ненавидеть ее и спектакль. Вот лично я — за любовь. А без нее никак нельзя. Ведь роли — они, как дети. Каким бы ребенком ни был — но это твой ребенок. И именно поэтому я ненавижу слушать негативные отзывы о спектаклях, в которых я играю, потому что спектакли, как и роли — тоже дети, а когда о родных детях говорят плохо, — это неприятно.

— Не боитесь ли оказаться вне критики, если не будете слушать вот такие мнения?

— Я разве сказал, что я их не слушаю? Наоборот. Но делать этого не люблю. А кто любит-то? Нет, я даже иногда прислушиваюсь, но в конечном итоге остаются два мнения, которые я слушаю всегда, — мое собственное и мнение режиссера, поставившего спектакль. Все-таки роль рождается в тесном сотрудничестве актера и режиссера, они оба за нее в ответе. Во всех своих режиссерах я влюбляюсь, идеализирую их. Они для меня — боги. Это на первом этапе. Потом — бывает, мы соримся, миримся. Но начальный этап такого «зачатия» всегда только в любви. Я всегда доверяю своим режиссерам, поэтому последнее слово за ними.

— Поскольку вы сами назвали свои роли детьми, то напрашивается вопрос, какие дети у вас прежде, чего ждать в перспективе?

— У меня сейчас наступил очень странный период затишья. Странный в первую очередь для меня, потому что до «Обломова» я играл по несколько премьер в сезон. Выпускал один спектакль, а в это время репетировался другой и так далее. А теперь вот уже несколько месяцев отдыхаю от новых репетиций. Я сам отношусь к этому долгосрочному отпуску как к затишью перед бурей. Возможно, она скоро грянет. Во всяком случае, сейчас есть время немного прийти в себя и подумать. Нет, конечно, я играю все спектакли, с «Обломовым» мы прекрасно съездили на гастроли в Пензу, Вятку (фестиваль «Новая драма» и Ханты-Мансийск (фестиваль «Чайка»), участвовали в фестивале «NET»... Необычный, все-таки, получился спектакль — очень честный и очень чистый. Таких сейчас мало...

— Что потом? Сейчас с одним молодым драматургом работаем над пьесой, которая, возможно, очень скоро вызовет бурю негодования со стороны консервативно настроенной театральной общественности. Еще я буду участвовать в спектакле по новой пьесе Максима Курочкина, которую будут ставить в Центре драматургии и режиссуры под руководством А.Казанцева и М.Рошина Михаил Угаров. И еще куча проектов, которые находятся в стадии разработки, но на то они и проекты — чтобы их разрабатывать.

— Сами-то режиссурой не думали заниматься?

— Думал! И думаю! Я даже планировал начать эту деятельность, поставив отрывочек, который написала Ксения Драгунская для спектакля «Москва — открытый город». Но как-то тяжело и немного страшновато приступать. Теперь я очень хорошо понимаю Мишу Угарова и считаю его не только одним из самых талантливых, но и самым смелым драматургом мира.

— А как относится ваш шеф — Александр Калягин к вашим успехам «на стороне»?

— Потрясающе! Нет, серьезно! Знаете, я благодарю Александру Александровичу за его поддержку. Он, действительно, очень радуется успехам своих актеров, ну, а почему он должен вести себя иначе? Ведь в конечном итоге — все это идет только на пользу нашему театру, «Et cetera», он это прекрасно понимает. А тем более, когда-то ведь он сам был таким же, как мы... Думаю, он гордится нами.

Беседовал Павел ПОДКЛАДОВ
• В.Скворцов — Обломов